

Валерий Брюсов

Испепелённый

Валерий Брюсов

Испепелённый

«Public Domain»

1909

Брюсов В. Я.

Испепелённый / В. Я. Брюсов — «Public Domain», 1909

«Если бы мы пожелали определить основную черту души Гоголя, ту *faculte maitresse*, которая господствует и в его творчестве, и в его жизни, – мы должны были бы назвать стремление к преувеличению, к гиперболе. После критических работ В. Розанова и Д. Мережковского невозможно более смотреть на Гоголя, как на последовательного реалиста, в произведениях которого необыкновенно верно и точно отражена русская действительность его времени. Напротив того, Гоголь, хотя и порывался быть добросовестным бытописателем окружавшей его жизни, всегда, в своем творчестве, оставался мечтателем, фантастом и, в сущности, воплощал в своих произведениях только идеальный мир своих видений. Как фантастические повести Гоголя, так и его реалистические поэмы – равно создания мечтателя, уединенного в своем воображении, отделенного ото всего мира непреодолимой стеной своей грезы...»

© Брюсов В. Я., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Валерий Брюсов

Испепелённый

(К характеристике Гоголя)

Дружески посвящаю Владимиру Владимировичу Каллашу

I

Если бы мы пожелали определить основную черту души Гоголя, ту *faculte maitresse*, которая господствует и в его творчестве, и в его жизни, – мы должны были бы назвать *стремление к преувеличению, к гиперболе*. После критических работ В. Розанова и Д. Мережковского¹ невозможно более смотреть на Гоголя, как на последовательного реалиста, в произведениях которого необыкновенно верно и точно отражена русская действительность его времени. Напротив того, Гоголь, хотя и порывался быть добросовестным бытописателем окружавшей его жизни, всегда, в своем творчестве, оставался мечтателем, фантастом и, в сущности, воплощал в своих произведениях только идеальный мир своих видений. Как фантастические повести Гоголя, так и его реалистические поэмы – равно создания мечтателя, уединенного в своем воображении, отделенного ото всего мира непреодолимой стеной своей грезы.

К каким бы страницам Гоголя ни обратились мы – славословит ли он родную Украину, высмеивает ли пошлость современной жизни, хочет ли ужаснуть, испугать пересказом страшных народных преданий или очаровать образом красоты, пытается ли учить, наставлять, пророчествовать, – везде видим мы крайнюю напряженность тона, преувеличения в образах, неправдоподобие изображаемых событий, иступленную неумеренность требований. Для Гоголя нет ничего среднего, обыкновенного, – он знает только безмерное и бесконечное. Если он рисует картину природы, то не может не утверждать, что перед нами что-то исключительное, Божественное; если красавицу, – то непременно небывалую; если мужество, – то неслыханное, превосходящее все примеры; если чудовище, – то самое чудовищное из всех, рождавшихся в воображении человека; если ничтожество и пошлость, – то крайние, предельные, не имеющие себе подобных. Серенькая русская жизнь 30-х годов обратилась под пером Гоголя в такой апофеоз пошлости, равного которому не может представить миру ни одна эпоха всемирной истории.

У Эдгара По есть рассказ о том, как два матроса проникли в опустелый город, постигнутый чумой². Там, войдя в один дом, увидели они чудовищное общество, пировавшее за столом. Особенность участников попойки состояла в том, что у каждого была до чрезмерности развита одна какая-нибудь часть лица. У одного был непомерной величины лоб, подымавшийся над головой как корона; у другого – невероятно огромный рот, шедший от уха до уха и открывавшийся как страшная пропасть; у третьего – несообразно длинный нос, толстый, дряблый, спадавший, как хобот, ниже подбородка; у четвертого – безобразно отвисшие щеки, лежавшие на его плечах, как бурдюки вина, – и т. д. Все герои Гоголя напоминают эти призраки, пригрезившиеся Эдгару По, – у всех у них чудовищно, несоразмерно развита одна часть души, одна черта психологии. Создания Гоголя – смелые и страшные карикатуры, которые, только

¹ В. Розанов. Два этюда о Гоголе. Приложение к книге: Легенда о великом инквизиторе (1 изд., СПб., 1893). – Д. Мережковский. Гоголь и черт (1 изд., М., 1906).

² King Pest.

подчиняясь гипнозу великого художника, мы в течение десятилетий принимали за отражение в зеркале русской действительности.

Вот перед нами уездный город, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Открывается занавес, и мы видим за столом у городничего обитателей этого города, его чиновников. Не ошиблись ли мы дверью, и не попали ли, вместе с двумя пьяными матросами, в ужасный зал в зачумленном Лондоне Эдгара По? Не те же ли перед нами уродины, какие предстали глазам удивленных и испуганных матросов? Разве городничий Сквозник-Дмухановский, судья Ляпкин-Тяпкин, попечитель над богоугодными заведениями Земляника и все другие, с детства хорошо знакомые нам лица, не страдают тою же болезнью, как фантастические герои Эдгара По? Разве у одного из них не чудовищный лоб, у другого – не неимоверный рот, у третьего – не немыслимые щеки?

Прислушаемся к их речам:

– Лекарств дорогих мы не употребляем, – говорит Земляника. – Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет.

Городничий жалуется, что от заседателя такой запах, словно он сейчас вышел из винокуренного завода.

– Это уж невозможно выгнать, – возражает судья, – он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Появляется Хлестаков. «Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора?» – спрашивает позднее городничий. Точно, ничего похожего. Заезжий, остановившийся в гостинице, в номере «под лестницей», не платящий по счетам, выпрашивающий себе обед, – какой же это ревизор? В уездном городе жизнь каждого человека на виду; Хлестаков не мог за две недели, что он жил в городе, не примелькаться всем на улице; однако между ним и городничим происходит такой, приблизительно, диалог:

Хлестаков. Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Городничий. Извините, я, право, не виноват... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?..

Городничий. Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие...

Затмение, нашедшее на городничего, – сверхъестественно, ни с чем не сообразно; ничего такого в жизни не могло бы быть.

Начинается сцена лганья Хлестакова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.